

Кабуки, пирожные и балетные фантазии

Общая газета. 1998,
— 8-14 окт. — с. 10

Хочу танцевать в балетах, которые еще не родились, призналась **Нина АНАНИАШВИЛИ**

20 октября в Кремлевском Дворце при поддержке «Альфа-Банка» будут показаны спектакли «Прелести маньеризма» и «Сны о Японии», поставленные известным хореографом Алексеем Ратманским для звезды мирового балета Нины Ананиашвили. Эти балеты стали самыми яркими проектами продюсерской фирмы «Постмодерн-театр», отмечающей в эти дни свое пятилетие. Успех был предпринят участием Нины Ананиашвили.

— Я помню ваше выступление на международном конкурсе балета в Москве в 1985 году, когда вы получили Гран-при, золотую медаль и травму ноги. С тех пор вы стали лауреатом множества других престижных премий. Что сейчас для вас самое главное в вашей деятельности?

— Самое главное — новое. Раньше это было абсолютно невозможно. Балет в России зашел почти на сто лет, как «Спящая красавица». Теперь мы наверстываем упущенное. «Маньеризм» и «Японские сновидения» мы показывали в этом году в Париже. Вам судить, приняла ли публика такое стремительное обновление русского балета. В Москве нас поддержала прежде всего председатель жюри премии «Триумфы» Зоя Борисовна Богуславская. Даже когда мы хотим что-то повторить, она говорит: «нет — только новое».

— «Прелести маньеризма» и «Кабуки — сны о Японии» вы сделали автономно от Большого театра. Не ограничивают ли ваши новаторские поиски трудовые обязательства в отношении «императорского театра»?

— Слава богу, что существуют такие театры, как Большой и Мариинский. Это — мощный фундамент классического танца. Сохранение традиций в сложном и хрупком балетном искусстве необходимо. Я классическая балерина и хочу танцевать классический репертуар до тех пор, пока смогу это делать. Но если я получу интересные, неожиданные предложения, я с радостью соглашусь. Век у балерин короткий, и нельзя останавливаться.

— В Париже балет «Прелести маньеризма» шел под фонограмму. Есть ли разница в ощущении исполнителя, танцующего под фонограмму и живой оркестр?

— Да — меняется пластика. Танцевать с живым, первоклассным оркестром, как в Большом или Мариинском театре, — роскошь. Можно по пальцам пересчитать крупные театры в мире, где сохраняется эта традиция. Звуки виолончели или флейты провоцируют на все новые нюансы. Но это очень тонкие градации. В Петербурге и Москве, к

счастью, все еще возможно работать с оркестром и дирижером. Само общение с музыкантами дает очень много.

— Много ли исходит от самой музыки, когда вы ставите балет? Вас учили играть на каком-нибудь инструменте?

— Да, в школе нас учили игре на фортепиано. Я мечтала хорошо играть, но, к сожалению, не хватало времени. Один тренинг исключал другой. К тому же, когда мы приехали в Москву, не было инструмента, чтобы поиграть на рояле, надо было допоздна оставаться в школе. В балете все идет от музыки. Самой разной. Можно, разумеется, танцевать под счет, под метроном, но творческие задачи будут другими.

— У вас есть амплуа?

— Мне трудно себя определять. Люблю и танцую все. «Жизель» — лирика, сумасшествие и символика. «Лауренсия» — героика. «Раймонда» — классическая завершенность, изысканность. Меня часто спрашивают даже коллеги: «Твой грузинский темперамент тебе не мешает, когда ты танцуешь лирические роли?» Наоборот, он мне позволяет настраиваться как нужно.

— В балетной школе существует понятие «вундеркинд»? Когда вы учились, ваши педагоги предвидели ваше будущее примы?

— Сейчас слишком легко употребляют слова талант и гений по отношению к просто способным людям. Это очень опасно. Я была хорошей ученицей, меня замечали, но, оглядываясь назад, я понимаю, что меня вели правильно, и благодарна моей семье и педагогам. Человек может сломаться, если с детства ему твердят одно, а жизнь преподносит другое. Бывает даже творческий взрыв в молодости, но человек не удерживается и в 16 лет уже чувствует себя старым, никому не нужным. На самом деле талант, уже не говоря о гении, очень редкая вещь. При правильном воспитании способности могут вырасти во что-то большее. Нельзя устраивать ажиотаж вокруг ребенка ни в балете, ни в музыке. Время все расставит по своим местам, если человека правильно направлять. Мои родители — очень скромные люди. Они никогда меня не перехваливали, даже если я чем-то выделялась: танцевала больше, чем другие, или меня снимали для телевидения.

— Вы пережили трудный период адаптации, когда переехали в Москву учиться в училище Большого театра?

— Прежде всего тяжело было разделение семьи. У нас большая дружная семья. В Москву со мной поехала бабушка. Мне было 13 лет. Меня перевели из Тби-

лиского училища в Московское, в класс Натальи Викторовны Золотовой. В Большом театре я работаю с Раисой Степановной Стручковой.

— Трудно быть балериной?

— Моя бабушка говорила: «Если бы я знала, что это такая трудная профессия, я никогда не отдала бы свою внучку туда». Но если я вижу талантливого ребенка, который хочет танцевать сам, а не родители его принуждают, я советую его хорошо учить. Однако всегда предупреждаю — это трудно. Каждый день надо что-то преодолевать в себе и в искусстве. И у нас, и на Западе бывают трагедии, если ребенок привык получать только похвалу и аплодисменты, как от бабушки и дедушки, которые всегда в восторге. Дети хотят сразу танцевать, а нужно стоять у станка и зарабатывать мозоли. Профессия наша — одна из труднейших. Режим, тренинг, дисциплина.

— Удар по моему представлению о балетных артистах как о вечно голодающих был нанесен в балетном буфете Мариинского театра, где я увидела нескольких знакомых солистов, весело жующих... пирожные. А вы нарушаете режим?

— Нарушаю. Позволяю себе и пирожные и, особенно, мороженое. Вообще я люблю вкусно поесть — я же грузинка.

— Московская публика увидит оба балета в Кремлевском дворце в новом составе. Ваш постоянный партнер в продолжении десяти лет Алексей Фадеев занял кресло художественного руководителя труппы балета Большого театра.

— Мне очень грустно, что после десяти лет партнерства мы с Алексеем Фадеевым никогда больше не выйдем вместе на сцену. Мы так много сделали! Добились полного взаимопонимания. Нам часто сразу после адажио (например, в «Дон Кихоте») аплодировали так, что было непонятно, как можно после этого продолжать балет. Он занимался со мной, давал бесценные советы. Но, как мне ни больно, я понимаю, что только такой человек может вывести балет Большого театра на достойный уровень. У него есть опыт контрактной работы, он танцевал все крупные партии балетного репертуара от «Спартака» до «Лебединого озера». У него много новых идей. Его «да» — это действительно «да». Он очень ответ-

ственный человек. Он понимает и защищает интересы артистов. Он знает о балете все. Это первое необходимое условие для его новой деятельности. Остальное будет зависеть от миллиона других обстоятельств. Я желаю ему успеха.

— Который из двух балетов вы предпочитаете: японский или французский?

— В нашей семье было трое детей. Всем доставалась равная доля любви и забот. Я так же отношусь ко всем балетам. У меня нет детей, но к своим балетам я отношусь, как к детям, родителям, братьям. Их любишь по-разному, но с одинаковой силой.

— Существует ли балет, в котором вы еще не танцевали и хотели бы танцевать?

— Я все время ищю новое, что доставило бы удовольствие мне самой и зрителю. Я работаю, чтобы порадовать людей, которые любят балет. Особенно меня вдохновляет московская публика. И больше всего я хочу танцевать вещи, которые пока не родились...

Беседовала
Виктория ГАНЧИКОВА
Париж — Москва